

К ВОПРОСУ О Т.Н. ОБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Э. Саламин

1. Т.н. объективная модальность является одним из наиболее полно и подробно описанных аспектов категории модальности в советском языкознании. /О разных аспектах модальности см. /16/, /17/./ Объективная модальность простого предложения в современном русском языке наиболее полно и подробно описана Н.Ю. Шведовой /18/, /5/, /12/. Как известно, в основе синтаксической концепции Н.Ю. Шведовой лежит парадигматический принцип: в парадигму простого предложения, понимаемого как абстрактная синтаксическая структура, входят формы, которые различаются между собой признаками синтаксического времени и объективной модальности. Категории синтаксического времени и объективной модальности образуют неразрывное единство: категорию предикативности, конструирующую предложение. В категории предикативности выражено нерасчленяемое значение синтаксического времени и объективной модальности специальными грамматическими средствами, глаголами и синтаксическими частицами. Согласно этой концепции объективная модальность выражается противопоставлением синтаксического индикатива /реальность/ синтаксическим ирреальным наклонениям /ирреальность/.

Таким образом, объективная модальность понимается исключительно грамматически, вернее, синтаксически, и собственно грамматическое строго отграничено от всего того, что граничит, взаимодействует с грамматикой или лежит вне сферы синтаксических наклонений. Синтаксический индикатив /реальность/ характеризуется временной определенностью, а синтаксические ирреальные наклонения /ирреальность/ -- временной неопределенностью. Следовательно, объективная модальность неразрывно связана с категорией синтаксического

времени и значениями временной определенности/неопределенности.

2. Анализ собранного нами материала привел нас к выводу о том, что целесообразно более широкое понимание объективной модальности, правомерен такой подход к ней, по которому кроме грамматических форм имеются в виду и их семантические аспекты при определении категории реальности/нереальности. Далее, оказалось целесообразным создать не двойное, а тройное противопоставление по объективной модальности: реальность/потенциальность/нереальность.

Кроме категории времени, объективная модальность связана также со значениями временной локализованности/нелокализованности действия /ситуации/. Анализ связи категории модальности с категорией определенности/неопределенности показал, что объективная модальность неразрывно связана с другими функционально-семантическими категориями, реализующими отнесенность высказывания к действительности. Из этих категорий ниже будет рассмотрена соотношенность объективной модальности с категориями временной локализованности/нелокализованности и определенности/неопределенности. Совместный анализ функций временной локализованности и определенности мы сочли возможным потому, что локализованность ситуации во времени может рассматриваться как одно из пересекающихся полей в рамках более широкой сферы детерминированности/индетерминированности /3, 54/.

Ниже рассматривается функционирование неопределенных местоимений в зеркале категории модальности и временной локализованности/нелокализованности в русском языке в повествовательных /невопросительных/ предложениях глагольного строя.

3. Исследования показывают, что в повествовательных предложениях, содержащих реальность осуществления действия, обычны аффиксы -то/не- и кое, выражающие наименьшую степень неопределенности, реальное существование предмета, о котором идет речь. Следовательно, реальное существо-

вание предмета коррелирует с наименьшей степенью неопределенности.

По концепции А.В. Бондарко, важнейшими семантическими разновидностями несовершенного настоящего времени являются актуальное и неактуальное настоящее. Настоящее актуальное выражает "конкретное /локализованное во времени/ действие, протекающее в момент речи", а настоящее неактуальное не содержит указания на отнесенность действия к моменту речи и может обозначать действия "повторяющиеся, обычные, обобщенные /абстрактное настоящее/" /1, 92--93/ и /2, 64--79/.

Сочетание семантического признака конкретности, временной локализованности действия с признаком отнесенности действия к моменту речи сужает неопределенность сообщаемого факта: сообщаемое является неопределенным или для говорящего, или для собеседника. Местоимения с -то/не- указывают на предмет, неопределенный для говорящего; формы с кое- -- для слушающего, и противоречат семантике форм с -нибудь, -либо, указывающих на предмет вообще неопределенный /9, 111/. Напр.: Вон там что-то на косогоре чернеется... Вот смотрю: из леса выезжает кто-то на серой лошади... /Лермонтов/.

Соотнесенность реальной модальности актуального настоящего с наименьшей степенью неопределенности подчеркивается фактом невозможности примеров типа: \emptyset Вон там что-нибудь/что-либо на косогоре чернеется; Вот смотрю: из леса выезжает кто-нибудь/кто-либо на серой лошади. Следовательно, конкретность действия, одновременность его с актом речи и полная неопределенность, соотнесенная и с ирреальностью, взаимно исключают друг друга.

Собранный нами языковой материал показывает, что неактуальное настоящее не ограничивает функционирования неопределенных местоимений, поскольку в его семантике отсутствует указание на отнесенность действия к моменту речи, для него характерна нелокализованность действия во време-

ни или нейтральное отношение к временной локализованности/нелокализованности. В таких предложениях обычно появляются местоимения как с аффиксами типа -то, так и с аффиксами типа -нибудь. Напр.: ... в вопросе и побуждении, как и в суждении, всегда высказывается что-то о чем-то... В "Аналитике" дается следующее определение суждения: "Суждение есть речь, что-нибудь о чем-нибудь утверждающая или отрицающая" /Колшанский/.

В отличие от актуального настоящего, модальность неактуального настоящего, в специальной литературе относимая также к реальной, соотносима с выражением разных степеней неопределенности, как это наглядно показывают вышеприведенные примеры. Модальность таких предложений, на наш взгляд, можно считать потенциальной.

4. Исходя из соотношения категории определенности/неопределенности и настоящего актуального можно объяснить функционирование неопределенных местоимений с аффиксом типа -то в формах прошедшего совершенного, т.е. реального действия, локализованного во времени до момента речи, напр., Кто-то постучал -- Ø Кто-нибудь постучал; Он /Казбич/ что-то нам закричал по-своему и занес над нею кинжал... он посмеялся -- такой хитрый -- и сам задумал кое-что /Лермонтов/.

Прошедшее несовершенное, не выражающее, но и не исключающее локализованности во времени, подобно настоящему неактуальному, также не ограничивает употребления неопределенных местоимений. Если форма прошедшего несовершенного имеет значение конкретного, единичного действия, которое по существу не что иное, как ушедшее в прошлое настоящее актуальное, то при нем, так же как и при настоящем актуальном, типично употребление неопределенных местоимений с аффиксами типа -то. Напр.: Вдруг свет появился в одном из окон нижнего этажа, перешел в другое, в третье ... Кто-

то шел со свечкой по комнатам. "Неужели Лиза? Не может быть!..." Лаврецкий приподнялся... /Тургенев/.

Если же форма прошедшего несовершенного употреблена в значении повторяющегося, обычного действия, то это значение, подобно потенциальной модальности неактуального настоящего, чаще всего актуализирует семантический признак "расчлененность" неопределенных местоимений с аффиксом -нибудь /14, 85/; однако при этом возможны и формы с -то. Напр.: Кто-нибудь из друзей регулярно навещал/навещает его /'безразлично кто, один из...'/ . См. также следующие примеры: Да притом Григорий Александрович каждый день дарил ей что-нибудь /Лермонтов/. Обыкновенно вечерами хозяин уезжал куда-то и увозил с собой гуся и кота /Чехов/.

5. Известно, что будущее время занимает особое положение в системе глагольных времён: история развития различных языков свидетельствует о том, что будущее время как более абстрактное часто возникало значительно позже по сравнению с настоящим и прошедшим временем. В объяснении этого факта мы согласны с Б.А. Серебренниковым, который пишет: "Действие, выражаемое формами настоящего времени, может быть непосредственно наблюдаемо, действие плана прошлого может быть лично пережито говорящим, составлять содержание его опыта и т.д., тогда как будущее время предполагает действие планируемое, фактически еще неосуществившееся и нереальное, которое необходимо представить абстрактно" /15, 47/. Единственный момент, который, с нашей точки зрения, следует уточнить -- это оценка действия будущего времени как "нереального". По нашему мнению, действиям будущего времени не соответствует ни категория реальности, ни категория нереальности, а именно: им присуща категория возможности, потенциальности. Такого же мнения придерживаются многие исследователи, в частности, Н.С. Поспелов /10/ и И.П. Распопов /11, 36--37/.

Поскольку действия будущего времени выражают рождающуюся, еще неосуществившуюся действительность, они связаны как с категорией реальности, так и с категорией не-реальности. Доказательства этой двойной связи можно найти во многих языковых фактах, в частности, и в функционировании неопределенных местоимений в предложениях, передающих действие будущего времени.

Специфическую, выражающую двойную связь /с реальностью и ирреальностью/, семантику будущего времени доказывает, как нам представляется, и выражение т.н. намеченного действия формой настоящего времени. "Действие осуществится в будущем, но намерение, готовность, решимость его осуществить или уверенность в том, что оно произойдет, проявляются уже в настоящем... этой формой обозначаются такие действия, которые зависят от воли субъекта, -- только такие действия и могут быть запланированы, намечены" /2, 154--155/, напр., Завтра я уезжаю. Намерение, готовность к действию в настоящем как бы имплицитно подразумевает реальность действия, поэтому возможна форма настоящего времени в значении будущего. Если намерение, готовность к действию не выражаются, реальность действия как бы стирается и вместо формы настоящего времени выступает форма будущего времени /в модальном значении потенциальности/, напр., Завтра я уезжаю. Родители проводят/будут провожать меня на вокзал. Ср. Завтра я уезжаю. ∅ Родители меня провожают на вокзал. К этому следует добавить, что для реализации настоящего в значении будущего "нужно, чтобы сказуемое-глагол обозначало определенное реальное действие, а не отвлеченное состояние /Завтра я еду, праздную, читаю лекцию, освобождаюсь от дел..., но не Завтра я люблю, расстраиваюсь, сомневаюсь... /" /19, 97/.

Рассмотрим теперь функционирование неопределенных местоимений в предложениях, содержащих действия в будущем времени. Анализируя возможные группировки темпоральных

форм русского глагола, Т.П. Ломтев различает шесть типов. Для нас интересен именно шестой тип, в который входят структуры предложений, допускающих только форму будущего времени в тех случаях, "когда они содержат в своем составе следующие выражения: ... когда-то еще, ср.: Когда-то еще будет смерть, а вы уже страшаете такими словами. Когда-то еще будет весна; когда-нибудь, ср.: Когда-нибудь, -- сказала Лиза -- когда-нибудь мы выпьем с тобой настоящего вина. Он когда-нибудь поймет это" /8, 74--75/. Аффиксы -то и -нибудь одинаково возможны при форме будущего времени, выражающего потенциальность, но, напр., при форме прошедшего времени совершенного вида, однозначно выражающего реальность, возможны только формы когда-то, как-то раз, выражающие меньшую степень неопределенности, напр.: Когда-то мы выпили с тобой настоящего вина -- \emptyset Когда-нибудь мы выпили с тобой настоящего вина.

В специальной литературе отмечается, что с разными модальными значениями наиболее тесно связано будущее время. Основа этого явления также лежит в своеобразном потенциальном значении будущего времени, которое как бы образует мост между ирреальностью и реальностью. На связь будущего времени с волеизъявлением указывает, напр., то, что в некоторых языках будущее время образуется с помощью вспомогательного глагола "хотеть".

На соотношение значений волеизъявления и потенциальности указывает и частная нейтрализация значений изъявительного и сослагательного наклонений модальных глаголов хотеть, желать. "Конструкции с формой условно-желательного наклонения модальных глаголов хотеть, желать часто не имеют модального значения нереальности, а служат для экспрессивно-стилистического выражения говорящим реального желания: Хотел бы очень сам я посудить, Твое услышав пенье, Велико ль подлинно твое уменье? ср.: очень

хочу посудить..." /6, 79/ и /7, 157/.

Г.В. Валимова, в свою очередь, пишет: "указанная синонимика возможна потому, что значение желательности в одном случае передается структурой, в другом -- лексическим значением слова" /4, 69/. Как нам представляется, эта нейтрализация возможна потому, что названные глаголы в силу своего лексического значения и в изъявительном наклонении выражают категорию потенциальности.

Известно, что форма настоящего-будущего совершенного вида во втором лице единственного и множественного числа при обозначении конкретного действия в будущем, произнесенная в императивном тоне, может выражать и модальный оттенок долженствования, напр., Ты напишешь/вы напишете доклад к понедельнику. Некоторые лингвисты утверждают, что в данном типе предложений реальная /изъявительная/ модальность переходит в ирреальную /повелительную/ /7, 144/. На наш взгляд, здесь проявляются разные оттенки потенциальной модальности /именно поэтому так "глазок" переход/, и как функциональный эквивалент сюда могут быть отнесены также и предложения типа Ты должен/вы должны написать доклад к понедельнику, которые с точки зрения объективной модальности тоже выражают потенциальность, так же как и предложения типа Напиши/напишите доклад.

6. В концепциях, согласно которым основа объективной модальности усматривается в противопоставлении реальности/ирреальности действия /в широком синтаксическом смысле/, повелительное наклонение наряду с сослагательным считается формой грамматической ирреальности. В русском языке предложения, содержащие предикаты синтаксических ирреальных наклонений, по времени не могут быть противопоставлены друг другу. По темпоральности, однако, они оценены, поскольку связаны со временем речи. "Когда мы, напр., говорим: "Читайте", то совершенно отчетливо осознаем, что это действие не могло иметь места в прошлом, не может осуществиться одновременно с тем временем, ког-

да мы произнесем это предложение, а если оно осуществится, то только после того, как предложение "Читайте" будет сказано, т.е. возможность осуществления повеления относится к будущему времени" /13, 219/. На этом основании можно провести параллель между предложениями типа Ты напишешь доклад к понедельнику и Напиши доклад к понедельнику, и на этом же основании можно утверждать, что они различаются не в реальном/нереальном значениях, а в разных оттенках одной и той же потенциальной модальности.

7. Модальные значения возможности, необходимости, долженствовательности, волеизъявления, которые в специальной литературе считаются проявлениями то реальной, то ирреальной модальности, на наш взгляд, относятся к категории потенциальности как в грамматических, так и в лексических формах выражения на том основании, что в них непосредственная реальность действия, напр., настоящее актуальное, не может быть выражена. К настоящему актуальному может относиться лишь возможность, необходимость и др. под. реализации действия. Естественно, что признание единого потенциального характера упомянутых выше разных модальных значений не только не отрицает необходимости исследования оттенков отдельных модальных значений, а напротив, подчеркивает важность таких исследований.

Основным свойством модальности, выраженной лексически, является ее близость к значениям, выражаемым грамматическими средствами. Само собой разумеется, однако, что близость не означает тождественности; значения лексической модальности, по сравнению с грамматическими эквивалентами, характеризуются значительно большим богатством и большей дифференцированностью оттенков значения. При подчеркивании их соотношенности было бы неправильным отрицать их различия. При анализе этих категорий следует также обратить внимание на категорию времени. В зависи-

мости от категории времени может измениться, напр., характер объективной модальности при выражении категории возможности. Напр.: в отличие от потенциальной модальности предложения типа "Он /с/может это сделать", предложение типа "Он смог это сделать" выражает реальную модальность.

Замечания

1. Бондарко А.В.--Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
3. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
4. Валимова Г.В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. Ростов, 1967.
5. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
6. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке. -- НДВШ, ФН, № 4, 1962.
7. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
8. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
9. Маловицкий Л.Я. Синтаксические условия функционирования неопределенных местоимений в современном русском языке. НДВШ, ФН, № 4, 1974.
10. Поспелов Н.С. О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке. ВЯ, 1966, № 2.
11. Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973.
12. Русская грамматика. ч. II, М., 1980.
13. Седелников Е.А. О грамматических категориях простого предложения в современном русском языке. -- В сб.: Исследования по современному русскому языку. М., 1970.
14. Селиверстова О.Н. Опыт семантического анализа слов типа все и типа кто-нибудь. -- ВЯ, № 4, 1964.
15. Серебренников В.А. К проблеме отражения развития человеческого мышления в структуре языка. -- ВЯ, № 2, 1970.
16. Феер Денешне Саламин Эдит. Модальность достоверности--недостоверности в современном русском литературном языке в сопоставлении с венгерским. КД, М., 1980.
17. Ее же. Модальность достоверности--недостоверности в современном русском литературном языке в сопоставлении с венгерским. АКД, М., 1982.
18. Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. -- В сб.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
19. Шведова Н.Ю. Синтаксическое время. -- НДВШ, ФН, № 3, 1978.